

УДК 343.8:343.91

Ю. А. Сурженко

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: adunkt85@mail.ru

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается практика противодействия правонарушениям в местах лишения свободы, начиная с конца XVIII в. до настоящего времени. Автором также затрагиваются вопросы становления режима в исправительных учреждениях (далее – ИУ) Беларуси и средств его обеспечения, проводится параллель между принимаемыми на различных исторических этапах мерами предупреждения и пресечения преступлений с современными средствами обеспечения режима в ИУ.

Ключевые слова: исправительные учреждения, тюрьма, уголовно-исполнительная система, особые условия, чрезвычайные происшествия, режим в исправительных учреждениях, средства обеспечения режима.

После трех разделов Речи Посполитой, состоявшихся в 1772, 1793 и 1795 гг., территория современной Беларуси полностью оказалась включенной в состав Российской империи, что определило дальнейшее развитие уголовно-исполнительной политики нашего государства.

Подчеркнем, что в это время тюремное заключение не имело широкого распространения на территории Беларуси и России, что в свою очередь обусловило отсутствие нормативно-правового регулирования многих вопросов, связанных с исполнением данного уголовного наказания. По этой причине их разрешение возлагалось в основном на усмотрение администраций тюрем, что, по мнению М. Н. Гернета, порождало произвол «во всем тюремном деле» [1, с. 159]. В то же время начало XIX в. ознаменовалось стремительным развитием законодательства в сфере исполнения данного вида наказаний и практики его реализации [1, с. 139; 2, с. 63]. Однако, несмотря на это, существенных изменений не последовало. Переполненность тюрем и низкое их финансирование приводило к плохому материально-бытовому обеспечению лиц, отбывавших наказания, а отсутствие необходимого медицинского обслуживания провоцировало высокую смертность и частые вспышки инфекционных заболеваний, таких, например, как холера и тиф. Даже столь серьезная мера, направленная на улучшение положения узников, как организация Попечительного о тюрьмах общества не привела к существенному изменению ситуации в тюрьмах страны [1, с. 144, 368; 3, с. 42, 46, 47].

При этом, как отмечает М. Н. Гернет, в XIX в. обстановка в местах лишения свободы Российской империи характеризовалась следующими негативными явлениями:

- свободные передвижения арестантов по корпусам тюрем;
- самовольные обустройства камер;
- повсеместное распространение запрещенных предметов, таких как ножи, водка, игральные карты, денежные средства;
- превращение надзирателей в прислугу [4, с. 30].

Кроме того в этот период происходит выделение в среде осужденных сословия профессиональных преступников, быстро захвативших власть и установивших свои порядки в тюрьмах, влияние которых в «арестантской среде» стало определяющим, а их указания имели, зачастую, большее значение, чем сотрудников учреждений. При этом в местах лишения свободы происходит также зарождение и повсеместное распространение «тюремной субкультуры», представляющей собой совокупность неформальных норм и традиций, которые настолько укоренились в отечественной пенитенциарной системе, что оказывают существенное влияние на поведение осужденных в ИУ и в настоящее время.

Описанная неблагоприятная ситуация детерминировала довольно большое количество совершаемых в тюрьмах правонарушений, в том числе чрезвычайного характера.

К тому же XIX в. для Российской империи ознаменовался широким распространением в обществе революционных идей, в связи с чем в учреждения уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) стали попадать лица, обладавшие резкими радикальными взглядами на существовавшие устои в государстве, активные участники террористической деятельности и т. д. В местах лишения свободы им придавался эпитет «политические», которые характеризовались особой сплоченностью и стремлением к взаимопомощи и поддержке. Именно с такими людьми связан первый в истории случай групповых неповиновений, выразившийся в массовой голодовке осужденных, произошедшей в 1827 г. в тюрьме на Благодатском руднике. Администрация учреждения была не готова противостоять такого рода противоправным деяниям, не относящимся к категории «бунты», в связи с чем пошла на существенные уступки и режимные послабления [5, с. 176].

Немаловажным фактором, повлиявшим на усиление криминализации мест лишения свободы, являлось и отсутствие профессиональных работников. Так, основные функции по охране и надзору за осужденными возлагались на военнотружеников, не способных выполнять иные обязанности по службе, например получивших инвалидность во время военных действий [3, с. 63].

Следует отметить, что руководство УИС Российской империи стремилось искоренить перечисленные недостатки из деятельности тюремных учреждений, укрепить порядок содержания в них и сократить количество совершаемых преступлений. Однако, как правило, вся профилактическая деятельность в конечном итоге сводилась лишь к ужесточению требований по исполнению и отбыванию тюремного заключения, большинство из которых попросту не исполнялось, в связи с отсутствием необходимого контроля над деятельностью сотрудников тюремных учреждений.

При этом вопросам обеспечения режимных требований и поддержания правопорядка в тюрьмах внимания практически не уделялось. В связи с этим их разрешение практически полностью зависело от усмотрения администраций учреждений, что, зачастую, принимало противозаконный характер. Так, распространенной превентивной мерой являлось подталкивание заключенных к совершению преступлений с целью «отстрела» (физического уничтожения) наиболее опасных из них [2, с. 168]. К профилактическим мероприятиям также относились: обривание половины головы арестанта, клеймение лиц, совершивших побег, круговая ответственность, предусматривавшая заковку в кандалы до 25 человек в случае побега одного и т. д. Однако, как отмечает В. М. Лисицын, такие меры все же носили скорее унижительный характер, чем действительно профилактический [2, с. 80; 5, с. 72].

Представляется, что реальная попытка изменить сложившуюся ситуацию в учреждениях УИС произошла только в 1879 г., когда в составе МВД было создано Главное тюремное управление [3, с. 47, 48], которое стало основным органом, определившим дальнейшее развитие отечественной уголовно-исполнительной политики. Однако данная реформа и проводимые мероприятия к ожидаемым результатам не привели, на фоне кризисных явлений, протекающих в Российской империи в конце XIX – начале XX вв., усилились негативные тенденции и в среде осужденных. Об этом ярко свидетельствуют статистические данные

Главного тюремного управления, в соответствии с которыми в 1905 г. в результате нападения на тюрьмы на свободе оказалось 99 осужденных, в 1906 г. было зарегистрировано более 130 массовых беспорядков, 480 взрывов, 7 поджогов, а в 1907 г. в местах лишения свободы было убито более 140 сотрудников [6, с. 46; 7, с. 44]. Кроме того в среднем из каждой тюрьмы ежегодно совершалось от двух до трех побегов [8, с. 59, 60].

После Февральской революции 1917 г. большинство тюрем на белорусских землях были разрушены, имущество расхищено, а почти вся служебная документация уничтожена, в том числе Главного тюремного управления [3, с. 106]. В связи с этим одной из основных задач Советской Социалистической Республики Белоруссия (далее – ССРБ) стало экстренное восстановление тюремных учреждений, причем основные усилия были направлены уже на создание новой системы исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ), главная цель которых заключалась в перевоспитании осужденных.

Между тем, в процессе реорганизации УИС Карательный отдел Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) ССРБ столкнулся с рядом перешедших с царской России проблем в сфере исполнения наказаний, а именно:

- высокий уровень преступности в ИТУ и за их пределами;
- тяжелое материальное положение учреждений УИС;
- существенная их переполненность;
- низкий профессионализм работников;
- практически полное отсутствие взаимодействия с иными государственными структурами;
- слабая воспитательная работа с осужденными и т. д. [9, с. 97].

Эти проблемы не позволяли правоохранительным органам решать главные задачи в местах лишения свободы, заключающиеся в снижении уровня преступности и восстановлении правопорядка.

Важнейшим нормативным правовым актом, направленным на решение данной задачи, стала временная инструкция НКЮ РСФСР «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такого» от 13 июля 1918 г., положения которой с определенными поправками были затем изложены в инструкции «О местах заключения ССРБ», принятой НКЮ ССРБ 11 сентября 1918 г. В инструкции предусматривалась экстраординарная, с современной точки зрения, мера, направленная на сокращение опасных правонарушений в местах лишения свободы, заключавшаяся в продлении первоначально установленного судом срока наказания «хулиганам, погромщикам и упорным рецидивистам», причем ограничений по времени не устанавливалось. В этих нормативных правовых актах также выделялась такая мера взыскания, как «более суровый режим», применявшаяся к наиболее опасным нарушителям.

Широкое распространение в этот период приобрели побег, в связи с чем борьбе с ними уделялось существенное внимание. Так, в декрете ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. предусматривалась такая мера, как введение в бригадах осужденных круговой поруки, распространявшая ответственность за побег на нескольких осужденных, а за повторный побег могла применяться даже исключительная мера наказания в виде расстрела.

В качестве тактического средства обеспечения режима можно рассматривать попытку правоохранительных органов поддерживать порядок в учреждениях УИС при помощи профессиональных преступников, так называемых «воров в законе». Таких лиц пытались использовать как основную силу против более серьезных, по мнению советских властей, преступников, таких как «троцкисты», прозападные либералы, различные националисты, «отморозки» и прочие опасные преступники. Однако наделение «воров» привилегиями и властными полномочиями по отношению к другим осужденным обернулось в итоге серьезным просчетом, значительно усилившим криминогенность мест лишения свободы [8, с. 63, 64]. Представляется, что определенные отголоски этого тактического решения мы можем наблюдать и в настоящее время, когда в борьбе с «ворами в законе» и иными лидерами и авторитетами криминального мира задействуются значительные силы и средства.

Важным шагом в развитии отечественной уголовно-исполнительной науки стало принятие в 1926 г. Исправительно-трудового кодекса Белорусской ССР (далее – ИТК БССР), особое значение которого заключалось в том, что направление организации исполнения наказания в ИТУ впервые получило законодательное закрепление и вышло за рамки подзаконных инструкций и циркуляров. Анализируя его положения, следует отметить, что законодатель продолжил выделять в особую группу меры, направленные на предотвращение побегов, но в то же время происходит серьезное их смягчение. Так, осужденные, совершившие побег без отягчающих обстоятельств, вообще освобождались от уголовной ответственности. По нашему мнению, на такое лояльное отношение к данному виду преступлений могло повлиять существенное сокращение их количества, что может свидетельствовать об эффективности принятых в 1919 г. жестких мер реагирования либо указывать на стремление законодателя оградить работников учреждений УИС и иных лиц от противоправных действий осужденных, пытающихся совершить побег. Стоит также отметить, что в ИТК БССР было закреплено в качестве общего средства, направленного на пресечение всех противоправных деяний, применение огнестрельного оружия.

Дальнейшее развитие средств, направленных на противодействие преступности в местах лишения свободы и обеспечение исполнения установленных режимных требований, связано с организацией в 1930 г. исправительно-трудовых лагерей (далее – ИТЛ). Примечательно, что в соответствующем Положении об ИТЛ уже не было норм, специально направленных на профилактику побегов, в нем, как нам представляется, указывалось лишь одно средство обеспечения режима и пресечения преступлений, которым являлось огнестрельное оружие.

С момента создания ИТЛ обстановка в учреждениях УИС не только не улучшилась, но была еще более дестабилизирована за счет практически повсеместно распространившихся неслужебных связей с криминальными авторитетами. Работники этих учреждений, зачастую, брали взятки, предоставляли осужденным служебную информацию, незаконно прекращали уголовные дела, уничтожали доказательства, снабжали преступников оружием, поощряли проституцию, устраивали оргии с осужденными женщинами, насиловали их и т. д. [10, с. 448].

Описанная ситуация выступила главным фактором, обусловившим организацию в ИТЛ информационно-следственных отделов, ставших первыми в истории отечественной пенитенциарной системы специализированными оперативными подразделениями по обслуживанию учреждений УИС. В задачи этих подразделений входило предотвращение преступлений, выявление неслужебных связей, розыск сбежавших осужденных, установлению лиц, имеющих причастность к противоправной деятельности [10, с. 494, 495; 11, с. 71]. Указанные отделы, по сути, вели оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), которая имела существенное значение в профилактике правонарушений на протяжении всего дальнейшего исторического развития, что обусловило закрепление в 2000 г. в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (далее – УИК) ОРД в качестве одного из основных средств обеспечения режима в ИУ.

Существенный всплеск распространения резких протестных настроений в среде осужденных произошел в 1939 г. как реакция на отмену условно-досрочного освобождения и зачетов рабочих дней в ИТУ. Несмотря на то, что за неподчинения сотрудникам учреждений, в том числе за отказ от работы, предусматривались суровые меры дисциплинарной ответственности, вплоть до смертной казни [10, с. 116, 117], практически во всех учреждениях страны было зарегистрировано резкое увеличение затяжных групповых неповиновений, хулиганств, беспорядков, побегов и иных серьезных правонарушений. Предпринимаемые меры, и даже показательные расстрелы, к ожидаемым результатам не привели, что вынудило советскую власть вернуться к институту условно-досрочного освобождения [11, с. 71].

Для Беларуси следующая волна чрезвычайных происшествий в ИТУ связана с началом Великой Отечественной войны. В среде лиц, отбывавших наказания, особенно по «политическим» статьям, быстро распространились слухи о возможной их «ликвидации», в связи

с неудачами советских войск и затруднительностью эвакуации осужденных. Ситуацию осложняло и наличие достоверных фактов таких расправ, например, по приказу начальника тюрьмы г. Глубокое Витебской области Приемышева было расстреляно около 600 человек. Именно страх оказаться в числе «превентивно расстрелянных» провоцировал массовые неповиновения и многочисленные попытки совершения побегов [12, с. 48, 49]. В то же время такие волнения имели относительно краткосрочный характер и прекратились с эвакуацией осужденных в отдаленные районы СССР.

Важным шагом в обеспечении надлежащего исполнения наказаний в местах лишения свободы при осложнении оперативной обстановки стало принятие в 1943 г. Инструкции о действиях начальствующего и надзирательского состава тюрем в случаях побега или нападения заключенных на тюремную охрану [10, с. 509–517]. Это был первый специализированный комплексный нормативный правовой акт, направленный на урегулирование вопросов исполнения и отбывания наказания при возникновении чрезвычайных происшествий и ситуаций.

В послевоенные годы состояние правопорядка в большинстве ИТУ приняло критический характер, что в основном было связано с высокой концентрацией в них опасных уголовных и политических преступников и развернувшейся борьбой между различными группировками. К категории наиболее опасных осужденных в это время относились: изменники Родины; фашистские пособники; власовцы; члены боевых националистических вооруженных формирований из Украины, Западной Беларуси и Прибалтики; особо опасные уголовные преступники. Численность этих лиц в 1947 г. составляла порядка 40% от всей массы осужденных. К тому же в среде уголовных авторитетов произошел идеологический раскол. Так, прибывшие с фронта «воры» за оказанную помощь советской власти были объявлены «суками» другими криминальными авторитетами, не участвовавшими в боевых действиях. Указанные противоречия послужили началом жестоких расправ в среде осужденных, что привело к практически повсеместному распространению массовых беспорядков, побегов, убийств, бандитизму и т. д. Имевшие место в данный период групповые правонарушения в учреждениях УИС по своему характеру и масштабу были уникальными для всей отечественной истории, достигая 20 000 человек, а по продолжительности – несколько месяцев.

Практический интерес в этой связи представляет предложение Министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову от 25 мая 1954 г. о введении в 3-м лаготделении Степного лагеря МВД «строгого режима». Под ним понималось установление вплоть до прекращения неповиновений и беспорядков дополнительных ограничений ко всем осужденным, заключавшихся в прекращении переписки, свиданий, выводов на работы, зачетов трудовых дней, рассмотрении любых обращений и материалов, в том числе по досрочному освобождению [10, с. 617]. Проводя сравнение с современным «режимом особого положения в ИУ», закрепленным в статье 76 УИК Республики Беларусь, мы приходим к выводу, что вышеуказанный «строгий режим» стал своеобразным прообразом данного правового средства обеспечения режима в ИУ.

В этот период руководством УИС и администрациями ИТУ активно вырабатываются и применяются различные меры, направленные на стабилизацию обстановки в пенитенциарных учреждениях и обеспечение исполнения осужденными установленных режимных требований [8, с. 65; 10, с. 555, 556; 12, с. 58; 13, с. 110], среди которых:

- применение суровых условий наказания к опасным осужденным;
- повышенная дисциплинарная ответственность;
- изоляция «воров в законе» от основной массы осужденных;
- солидарная ответственность осужденных, в случаях, когда не представлялось возможным установить виновного, а также для профилактики побегов;
- применение смертной казни в отношении лиц, совершивших убийства в местах лишения свободы;

– направление специальных групп «паханов» для наведения порядка в ИТУ, добивавшихся от осужденных беспрекословного подчинения своей воле;

– организация специальных ИТУ для лиц, осужденных за бандитизм, убийства, вооруженные разбои, побег, а также содержания шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов и иных антисоветских групп и лиц, получивших в итоге название «особых лагерей». Представляется, что эти «особые лагеря», впервые применяемые как средство по наведению правопорядка в местах лишения свободы, в последующем были законодательно выделены в качестве отдельного вида учреждения УИС и в настоящее время носят название «исправительные колонии особого режима».

На наш взгляд, перечисленные меры можно рассматривать как экспериментальные попытки установления новых правовых и организационно-тактических средств обеспечения режима в учреждениях УИС. При этом, несмотря на экстраординарность некоторых из них, комплексное их использование привело к значительному сокращению преступности в местах лишения свободы, которая уже к 1958 г. снизилась на 40% по сравнению даже с 1955 г. [8, с. 65]. Представляется, что применение указанных мер позволило приобрести существенный опыт в сфере исполнения наказаний в виде лишения свободы, оценить их эффективность и целесообразность, выявить отрицательные и положительные стороны, что имело важное теоретическое и практическое значение в последующем развитии рассматриваемой сферы уголовно-исполнительной науки.

В этой связи стоит обозначить, что конец 50-х гг. XX в. ознаменовался для данной области права началом серьезных научных исследований, которые привели к формированию основных положений и требований режима в ИТУ, а также становлению и развитию правовых средств его обеспечения. Многие теоретические наработки этого времени были в итоге воплощены в 1969 г. в законе СССР «Об утверждении основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик», на основании которых в 1971 г. был принят второй ИТК БССР. Одной из особенностей нового ИТК стало закрепление такого средства обеспечения режима, как «меры безопасности», к которым относились наручники и смирительная рубашка. Представляется, что в последующем эти меры были трансформированы белорусским законодателем в такие средства обеспечения, как физическая сила и специальные средства.

В это же время происходит эксперимент по созданию в ИТУ локально-профилактических участков, ставших с 1984 г. одним из основных требований по оборудованию исправительных колоний [14, с. 46]. Между тем, их организация, по нашему мнению, происходила как попытка формирования нового средства обеспечения режима в ИТУ, поскольку в условиях укрупнения таких учреждений основная задача организуемых участков заключалась в снижении групповых неповиновений и хулиганств, массовых беспорядков, насильственных действий по отношению к осужденным и персоналу и т. д.

Следует отметить, что 60-е – первая половина 80-х гг. характеризовались относительным спокойствием в местах лишения свободы БССР. В то же время во многих ИК имели место значительные незаконные послабления и упущения в режимном плане в угоду производственному процессу, что привело в 1987 г. к массовым беспорядкам в ИК № 7 г. Минска и в итоге – к ликвидации этого учреждения, что имело всесоюзный общественный резонанс.

Глубокие социальные потрясения 90-х гг., связанные с распадом СССР, также негативно отразились и на состоянии правопорядка в большинстве постсоветских стран, что в свою очередь детерминировало высокий уровень криминогенности и криминализации мест лишения свободы Республики Беларусь, многочисленные групповые неповиновения, массовые беспорядки, захваты заложников, побег и т. д.

Окончательным шагом в формировании требований исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы и средств его обеспечения стало принятие УИК, вступившего в силу в 2001 г. В главе 11 Кодекса впервые было дано законодательное определение понятия «режим

в ИУ», закреплены его основные положения, а также установлен перечень средств его обеспечения, выработанный, с нашей точки зрения, на основе анализа негативных процессов, происходивших в местах лишения свободы в основном в советский и постсоветский период. При этом одним из важнейших нововведений явился новый институт уголовно-исполнительного права – «режим особого положения в ИУ», направленный на предотвращение и пресечение различных чрезвычайных происшествий в учреждениях УИС.

Итак, подводя итог данной статьи, нам представляется, что процесс формирования правовых средств противодействия преступности в ИУ можно условно разделить на несколько этапов:

– конец XVIII в. – 1917 г., связан с развитием пенитенциарной системы Беларуси в составе Российской империи (несмотря на существенное развитие законодательных положений, относящихся к режиму в ИУ, вопросам его обеспечения и борьбы с противоправными проявлениями должного внимания не уделялось, что детерминировало высокий уровень преступности в этих учреждениях и неисполнение осужденными элементарных режимных требований);

– 1917–1991 гг., обусловлен установлением советской власти на территории белорусского государства (в указанный период достаточно мощный научный импульс теоретического и практического обоснования получили вопросы, связанные с обеспечением установленных требований режима в ИУ, в результате чего многие экспериментальные наработки в сфере обеспечения правопорядка в учреждениях УИС были переняты в качестве передового опыта и воплощены в дальнейшем в современном законодательстве);

– 1991 г. – настоящее время, так называемый современный период, связан с развитием суверенной Республики Беларусь (происходит окончательное научное и законодательное оформление положений режима в ИУ, устанавливается перечень основных средств его обеспечения).

Кроме того, проведенный ретроспективный анализ позволяет также выделить ряд детерминантов, обуславливавших на различных исторических этапах рост количества чрезвычайных происшествий в учреждениях УИС, что необходимо учитывать в практической деятельности и в настоящее время:

– увеличение в ИУ численности осужденных, придерживающихся радикальных взглядов;

– наличие кризисных процессов и явлений в обществе и государстве;

– распространенность в ИУ атрибутов профессиональной преступности, в связи с чем неформальные нормы и традиции приобретают для осужденных большее значение, чем правовые предписания;

– низкий профессионализм сотрудников пенитенциарных учреждений;

– недостаточный контроль и надзор за деятельностью учреждений УИС со стороны вышестоящих инстанций и надзорных органов, приводящий к злоупотреблению служебным положением и неслужебным связям с осужденными;

– преследование руководством ИУ определенных целей, например повышение производительности труда осужденных, в ущерб установленным законодательством режимных требований;

– возникновение реальной угрозы для жизни и здоровья осужденных, их родственников;

– существенное ухудшение положения осужденных, например неприменение досрочного освобождения;

– нарушения законности со стороны работников УИС, иных государственных органов и организаций, негативно отражающиеся на правовом положении лиц, отбывающих наказания.

Таким образом, можно резюмировать, что в местах лишения свободы правопорядок достигается путем обеспечения установленных законодательством режимных требований, причем средства их обеспечения выступают в качестве основных мер предупреждения правонарушений. Между тем, приобретенный на различных исторических этапах опыт их применения позволяет нам более объективно подходить к выбору и реализации соответствующих профилактических мероприятий, прогнозировать их эффективность и возможные негативные последствия.

Список использованных источников

1. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет; редкол. : А. А. Герцензон [и др.]. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1960. – Т. 1 : 1762–1825. – 384 с.
2. Лисицын, В. М. За тюремной стеной : История Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939) / В. М. Лисицын; науч. ред. Д. В. Караев. – Гродно : ГОУПП «Гродн. тип.», 2003. – 352 с.
3. Шарков, А. В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь : моногр. / А. В. Шарков; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 323 с.
4. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1961. – Т. 3 : 1870–1900. – 430 с.
5. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет; редкол. : А. А. Герцензон [и др.]. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1961. – Т. 2 : 1825–1870. – 582 с.
6. Лапицкий, Ю. А. Фундаментальное понятие терроризма и противодействие преступлениям террористического характера в исправительных колониях : учеб. пособие / Ю. А. Лапицкий, З. А. Андреева. – М. : Моск. ун-т потреб. кооперации, 2005. – 224 с.
7. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. / М. Н. Гернет. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1962. – Т. 4 : Петропаловская крепость. 1900–1917. – 302 с.
8. Стуканов, А. П. Побег из тюрем и колоний России / А. П. Стуканов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 147 с.
9. Отчет Карательного отдела Наркомата VII съезду Советов об исправительно-трудовой политике Советского государства за период с Великой Октябрьской социалистической революции по 1919 г. [не позднее 5 декабря 1919 г.] // Из истории исправительно-трудовых учреждений РСФСР (октябрь 1917–1920 годы): сб. докл. / под ред. А. К. Стальгевича. – М. : ВШ МВД РСФСР, 1960. – С. 96–110.
10. ГУЛАГ : Главное управление лагерей. 1918–1960. Сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров; под ред. А. Н. Яковлева. – М. : МФД, 2000. – 888 с.
11. Соркин, Г. С. Эволюция теоретико-правовых взглядов на проблемы оперативно-розыскной деятельности в следственных изоляторах / Г. С. Соркин // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. № 1с. – С. 71–75.
12. Козлов, В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953–начало 1980-х гг.) : моногр. / В. А. Козлов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : РОССПЭН, 2009. – 543 с.
13. Организационные и правовые основы обеспечения режима в исправительных учреждениях : учеб. пособие / В. Б. Шабанов [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 196 с.
14. Шабанов, В. Б. Организация режима в исправительных учреждениях : учеб. пособие / В. Б. Шабанов, В. С. Красиков, Н. В. Кийко; под ред. В. Б. Шабанова; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 187 с.

Дата поступления: 27.03.2017

Y. A. Surzhenka

Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**MEASURES OF COUNTERACTION AGAINST CRIMINALITY IN CORRECTIONAL FACILITIES:
HISTORICAL ASPECT**

The practice of counteractions to offences in penitentiaries since the end of the XVIII-th century up to nowadays is examined in the article. The author of the article also addresses the problems of regime formation in correctional facilities of the Republic of Belarus and the means to promote it, draws the parallel between different measures of prevention and suppression of crimes, which were taken on different historical stages, and current means to ensure the regime in correctional facilities.

Keywords: correctional facilities, prison, penal enforcement system, special conditions, emergencies, regime in correctional facilities, means to ensure the regime.